

РОССИЙСКИЕ КОРЕЙЦЫ В 1920 - 1930-е годы КАК ТРУДОВОЙ РЕСУРС: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ УПРАВЛЕНИЯ

к.и.н. Сон Ж.Г.
(Общероссийское
объединение корейцев)

Аннотация

В сообщении рассматривается на примере сельского хозяйства социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока в 1920 – 1930-е годы. Российские корейцы внесли свой вклад в улучшение социально-экономического положения края, являясь специалистами в разведении самой рентабельной по климатическим условиям сельскохозяйственной культуры – риса. В 1926 г. активное возведение новой отрасли рисоводство в промышленных масштабах к середине 1930-х годов пришло в упадок. Причины кризиса обуславливались не только отсутствием разумной национальной политики, состоянием гражданского общества, тяжелым экономическим положением основной части дальневосточного населения, но и внешнеполитическими отношениями между СССР и Японией. Для эффективного развития рисоводства на Дальнем Востоке имелись все условия, в том числе и трудовой ресурс в лице корейского населения. Поэтому фактор налаживания регионального управления обществом и экономикой приобретал особое значение.

В XXI веке, как и в начале XX века проблема социально-экономического развития российского Дальнего Востока остается актуальной. Сегодня российское правительство уделяет первостепенное значение социально-экономическому развитию этого региона. Одним из важных секторов экономики Дальнего Востока остается сельское хозяйство. Организация управления этими процессами остается актуальной.

По данным Академии сельскохозяйственных наук Российской Федерации, на российском Дальнем Востоке ресурс не использованных залежных и целинных земель составляет 400 тыс. га. В настоящее время разработано не более 40 тыс. га, в то же время 90% всей сельскохозяйственной продукции завозится из соседнего Китая.

Как и в начале прошлого века в Приморье самыми рентабельными из всех видов злаков остаются рис и соя. К сожалению, эти 40 тыс. га были разработаны еще в 1920–1930-х годах жителями корейских деревень до их выселения в Среднюю Азию. В начале прошлого века рис выращивался на территории от озера Хасан до реки Большая Уссурка и от государственной границы с Маньчжурией до Уссурийска.

Анализ истории развития социально-экономического сектора на Дальнем Востоке в 1920 – 1930-е годы показывает, что проблемы сельского хозяйства тех лет зеркально отображаются в сегодняшнем дне – это дефицит трудовых ресурсов, отсутствие техники, современных технологий и т.д. Возникает справедливый вопрос: почему спустя сто лет Дальний Восток остается одним из отсталых сельскохозяйственных регионов России? Вероятно, это объясняется не эффективной системой управления.

Относительно точной даты начала возделывания риса в Приморье единого мнения не существует. Некоторые исследователи, ссылаясь на работу А.Ф. Будищева «Описание лесов южной части Приморской области», отмечали первые посевы риса у корейцев в начале 60-х годов XIX века [1, с.89].

Культура риса стала возделываться корейцами почти сразу после их переселения в пределы России. По данным Ким Сын Хва в 1908 г. в долине р. Янчихэ корейцами было засеяно 40 десятин рисом. В дальнейшем посевы риса появились в Сучанском, Никольском, Уссурийском и Спасском уездах [2, с.48]. В.И. Володин же на основе анкеты окружного статистического бюро относительно оросительных схем, плантаций и посевщиков относит первоначальный срок зарождения рисоводства к 1913 году.

С 1913 г. по 1924 г. рисосеяние и все связанные с ним предварительные работы по сооружению ирригационных систем находились в руках корейского населения. Здесь же следует отметить, что первые посевы риса производились исключительно семенами, которые корейцы привозили из Китая, Японии и Кореи. Рост площадей под рисом в этот период быстро увеличивался. Но вплоть до 1925 г. возделывание этой культуры не привлекало к себе внимания русского населения, хотя попытки ее возделывания предпринимались [3, с.151]. Столь безучастное отношение агрономов к культуре риса объяснялось тем, что «все знания, навыки и техника принадлежали пришлому азиатскому населению» [4, с. 90 – 91].

Однако, по мнению А. Петрова, возможность широкого разведения риса в дореволюционный период не поощрялась «краевыми властями из боязни, чтобы развитие рисовых плантаций не послужило бы поводом к особой агрессивности в отношении русского Дальневосточного края со стороны Японии и Китая» [5, с. 46].

И в дореволюционное время, и с установлением в крае советской власти, социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока во многом зависело от позиций и взаимоотношений двух государств – Японии и Китая с Союзом ССР.

Исследователями признается тот факт, что «японский капитал сыграл определенную роль в развитии дальневосточного рисосеяния» [4, с. 90-91]. В период присутствия интервентских японских войск разведение риса на Дальнем Востоке получило существенный стимул. Для нужд японской армии спрос на рис увеличился многократно. Японскими агрономами были хорошо изучены все пригодные под культуру риса площади. Некоторые японские специалисты высказывали мнение, что «в Приморье можно засеять рисом до 3 млн. га, а получить 55 млн. кока (до 5 млн. тонн риса)» [5, с. 91]. На всем же Дальнем Востоке, то есть в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, по данным отдельных исследователей, площадь в 10 млн. га была пригодна для разведения риса [3, с. 151].

Японцами выдавались ссуды через Корейский банк корейцам – производителям риса, что в свою очередь стимулировало развитие данной отрасли. Важным остается и тот факт, отмечают исследователи [1, 2, 3], что без корейского населения русского Дальнего Востока, даже при наличии желания и капитала развитие рисоводства не произошло бы или было бы отодвинуто на долгий и неопределенный срок.

С 1923 г. после установления советской власти в Приморье корейцы принимали активное участие во всех социально-экономических сферах, основная масса их поднимала сельское хозяйство. Энтузиазм корейцев и огромное желание работать на советской земле не заставили долго ждать результатов.

В 1924 г. в Ханкайском районе было собрано 5 000 тонн риса с 1200 десятин (около 1300 га) земли, которая еще два года назад была сплошной степью Ханкайской низменности. За короткое время при полном отсутствии оросительных и ирригационных систем и какой-либо механизации корейцами были достигнуты заметные результаты. Из 400 000 десятин необработанной земли в Ханкайских низменностях, годных для разведения рисоводства, было обработано 1200 десятин посевных площадей, а остальные – находились в нетронутом состоянии [6].

Все это удавалось достичь и благодаря налаженной системе управления сельхозпроизводством. Именно этой задаче уделяли внимание и краевые органы власти.

Применительно к корейцам эти земли осваивала трудовая земледельческая артель «Чексинкондеса», организованная в 1925 г., после переселения из деревни Пуцылочки Суйфунского района на пустынные земли Ханкайской низменности. За два года артель потерпела значительные убытки, на свои средства ею была сооружена плотина, построены жилые помещения, освоены нетронутые земли, построены дороги, школа, сельсовет и т.д.

Как и до революции, основными проблемами для корейцев оставались – распределение земли, использование и строительство оросительных систем. Русским гражданам отводились земельные наделы под рисосеяние, а корейцам – гражданам СССР, разрешалось арендовать участки из Госфонда. За подачу воды на рисовые плантации корейцы платили пятой частью валового урожая риса. Корейцам предоставлялись краткосрочные ссуды, на сооружение оросительных систем, однако, они не всем были доступны. Долгосрочные ссуды местные власти выдавали русским крестьянам.

Вышеизложенные проблемы нашли отражение в ходатайстве председателя правления артели «Чексинкондеса» Кан Секчером к секретарю Президиума Совета национальностей ВЦИК СССР от 12 марта 1927 г. Со стороны местных властей, отмечается в документе, корейцам не оказывается должная организационная и хозяйственная помощь, этим затрудняется выполнение государственной программы по выращиванию и сбору риса. В ходатайстве корейцы-артельщики просили предоставить им землю в долгосрочную аренду и разрешения на использование оросительных каналов на равных условиях со всеми земледельцами. Наркомзем СССР не удовлетворил ходатайство корейской артели [6], сославшись на то, что в Приморье не был урегулирован вопрос землепользования.

С 1926 г. после оценки рентабельности культуры, изучение риса было поставлено в программу Приморской областной сельскохозяйственной опытной станции, и рисосеяние начинает распространяться на дальневосточной земле.

С 1927 г. начал работать Сантахезский опытно-мелиоративный пункт рисового совхоза «Дальрис». В 1928 г. была открыта опытная станция по изучению рисосеяния. В 1929 г. был утвержден пятилетний план развития рисосеяния, по которому площадь посева риса в Приморье предполагалось довести до 39 тыс. га, а сбор риса-сырца – до 115 тыс. т [7, с. 226]. В пятилетний план входило строительство Уссури-Сунгачинского канала, создание Уссурийского комбината, орошение запасов земли Ханкайской низменности, что позволило бы подготовить под посевы риса около 200 тыс. га поливной площади.

Первоначально перспективы роста рисовых плантаций связывались с вовлечением в возделывание риса всего корейского населения и значительной части русского. Экономист А.М. Ярмош в статье «Движение населения ДВК на десятилетие 1926 – 1936 года», опубликованной в 1927 г. в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока», дает весьма утешительный прогноз относительно дальнейшего развития рисоводства. «Последние три года дали резкое повышение численности корейского населения – от 106 тыс. душ (1926 г.) до 170 тыс. (1929 г.), что составит прирост в год 21 тыс. душ, или 17%. Столь быстрый рост корейского населения объясняется как обеспечением условий корейской иммиграции, так и в особенности, развитием в последние годы рисосеяния в крае... – отмечает А.М. Ярмош. Если процент роста корейцев в крае (17%) , наблюдавшийся за последние три года, сохранится и в будущем, то к концу предстоящего десятилетия численность корейского населения в крае могла бы достигнуть 820 тыс. душ, чему в особенности благоприятствовало бы интенсивное развитие рисосеяния, которое в 1936 году достигнет 100 000 дес.» [8, с. 98]. Очевидно, что ученые и экономисты понимали значимость корейского населения, знание основ рисосеяния, их трудолюбие способно

было вывести Дальневосточный край в один из развитых и экономически перспективных регионов страны.

Согласно статистическим данным 1925 г. в Приморье было засеяно рисом 8196 га, в 1926 г. – 10 235 га, в 1927 г. – 13 895 га, в 1928 г. – 17 640 га, и в 1929 г. – 17 855 га. Валовой сбор риса в 1925 – 1926 гг. составил 23 114 т, в 1926 – 1927 гг. – 30 998 т, в 1927 – 1928 гг. – 38 462 т, в 1928 – 1929 гг. – 45 765 т [7, с. 226].

Однако каких-либо серьезных сдвигов в производстве риса в Приморье не произошло. С 1930 г. сокращаются посевные площади под рис, было засеяно 15 936 га – это на 1919 га меньше, чем в 1929 г. В 1932 г. под рис засеяли 13 тыс. га, в 1933 г. – всего 4 200 га и лишь в 1935 г. площадь посевов составила 11 615 га. При этом средний сбор урожая риса в 1933 г. составил лишь 13 – 14 ц [9, с. 17] с гектара, в то время как в 1926 – 1927 гг. средняя его урожайность превышала 30 ц с гектара [7, с. 227].

По мнению некоторых российских историков, главными причинами такого кризиса в области рисосеяния в Приморье, явились «крайне высокое налогообложение, примитивная агротехника, отсутствие стимулов к высокопроизводительному труду», а также несовместимость «традиционного семейного труда корейских крестьян и бюрократической колхозной системы с ее тотальным обобществлением средств производства» [9, с. 17].

Все же существенное влияние на этот кризис, по нашему мнению, оказали советско-японские отношения. Опубликованные в последнее время документы показывают, что социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока имело прямую зависимость от позиций и взаимоотношений двух государств – СССР и Японии.

После заключения Пекинской Конвенции 1925 г. японская сторона стала требовать предоставления рисовых концессий на территории Дальнего Востока. Впервые этот вопрос был затронут 6 января 1926 г. в беседе посла Японии в Союзе ССР Т. Танака с Наркомом иностранных дел СССР Г.В. Чичериным [10, с. 7-8].

Т. Танака предложил обучить русских крестьян разведению рисовой культуры путем создания смешанных хозяйств, где финансовая и руководящая роль принадлежала бы японским специалистам. Г.В. Чичерин сослался на незнание этого вопроса и выразил опасение, что в Приморском крае до сих пор не исчезли воспоминания об оккупации и партизанской борьбе против японских интервентов. В связи с этим, появление японских сельскохозяйственных рабочих могло бы помешать гармоничному сожительству с коренным населением. Нарком Г.В. Чичерин предложил для японских сельскохозяйственных концессий земли Западной Сибири. Однако отдаленность этих мест от Японии затруднило бы создание там японских концессий, что совершенно не устраивало Т. Танака [10, с. 8].

В августе 1926 г. в проекте торгпреда СССР в Токио Я.Д. Янсона [10, с. 39] об использовании японских кредитов в интересах развития советского экспорта и импорта на Дальнем Востоке во втором разделе о торговых и промышленных концессиях в пункте 4 говорится о предоставлении земледельческих концессий для разведения риса и бобов. Для этого Японии, отмечается в проекте, предоставляются льготы по иммиграции, и разрешается перенести некоторые японские кустарные промыслы на российские крестьянские хозяйства и города. Безусловно, имелось в виду, что вся произведенная продукция должна принадлежать японской стороне.

После активных обращений японской стороны предоставить сельскохозяйственные концессии на территории Дальнего Востока, у правительства Союза ССР появился серьезный интерес к организации новой отрасли сельского хозяйства – советское рисоводство. С этой целью началось строительство специальных ирригационных систем для риса, расширялись рисовые посевные площади, увеличились организованные заготовки риса.

Переговоры о предоставлении сельскохозяйственных концессий активно велись и в декабре 1927 года в беседах Л.М. Карахана [10, с. 183] и Г.В. Чичерина [10, с. 194 – 204] с президентом японо-советского общества культурных связей С. Гото. Позиция Чичерина сводилась к тому, что без согласия местных советских органов НКВД СССР не принимает каких-либо решений касательно земельных и организационных вопросов.

Настойчивый и ультимативный характер переговоров японских дипломатов с советскими дипломатами прослеживается во всех документах той поры. Так, 8 января 1928 г. в резюме беседы Г.В. Чичерина с К. Мори о возможности предоставления японцам сельскохозяйственных концессий, отмечается, что японская сторона уже знает настроения дальневосточных советов. Как оказалось, им досконально известно, сколько еще имеется свободных земель, годных для рисовых плантаций, как велико корейское переселение в этих местах; но корейцы, по их мнению, ничего не могут сделать в этой области без помощи японской техники и без японского руководства [10, с. 210]. По словам К. Мори, корейцы, переселившиеся в Советское Приморье, «жаждут развивать рисовое производство, но это могут сделать лишь опытные в этом деле японские крестьяне» [10, с. 210].

Японской стороной была выработана система распределения трудовыми ресурсами: «тяжелая физическая работа, не требующая серьезной организационной или технической разработки, естественно, предоставляется корейцам; руководство производством риса и все те работы, которые требуют тонкого квалифицированного подхода, должны предоставляться японцам; другие работы, как, например, скотоводство, должны быть в руках русских переселенцев» [10, с. 211-213].

В 1927 г. член палаты пэров Курати посетил г. Харабовск и встретился с представителями советских органов для получения от них согласия предоставить сельскохозяйственные концессии Японии. Экспедиция Курати, основательно изучив этот вопрос в Советском Приморье, подсчитала, что для осуществления этого проекта потребуется около 10 млн. иен [10, с. 211].

Очевидно, что НКВД СССР был готов подписать договор, поскольку с этой стороны, пишет Г.В. Чичерин, препятствий быть не может, ибо дальневосточные советы определенно высказались уже за предложения виконта Гото [10, с. 211]. Готовность Японии инвестировать 10 млн. иен, фактически убедила советское руководство предоставить сельскохозяйственные концессии, открытым оставался только вопрос об условиях и размерах этих концессий. Однако Правительство Союза ССР, несмотря на предоставление японской стороной финансовых, технических и трудовых ресурсов взамен на советские земли, так и не подошло к переговорному процессу.

Что касается рисоводства, по нашему мнению, Япония предприняла меры, чтобы не допустить его дальнейшего развития на советском Дальнем Востоке. Дискредитация корейцев перед советской властью посеяла недоверие к ним. Местные власти в ожидании подписания договора о предоставлении сельскохозяйственных концессий и финансовых вложений японской стороной, не оказывали какой-либо помощи корейским колхозникам, численность которых в 1930-х годах составляла 199 500 человек [11]. В плане распределения и организации труда «восточникам» доставалась самая тяжелая работа, агротехника для них предоставлялась в последнюю очередь. Обрабатывая рисовые поля, фактически вручную, где сохи составляли 50%, а вспашка земли производилась на коровах и быках, корейцы получали урожаи в несколько раз выше, чем в русских колхозах [15].

В конце 1920-х гг. в средствах массовой информации появлялись статьи о «желтой опасности», «огромной армии мирных завоевателей» [12] в лице корейцев, приходящих «с котомкой за плечами» в СССР, якобы стремящихся вытеснить русских и превратить приграничный район в «Советскую Корею» [12]. Главной причиной

массового переселения корейцев были японцы, чьей колонией была Корея. Известно, что милитаристская Япония сознательно создавала невыносимые условия для проживания корейцев на своей родине, вынуждая их к иммиграции. Как отмечалось выше, до 1925 г. возделывание риса у русского населения не привлекало внимания и объяснялось тем, что все знания, навыки и техника принадлежали пришлому азиатскому населению [13]. Возведение новой отрасли сельского хозяйства, ранее незнакомой европейскому населению, преобладающее большинство которых были переселенцами из западных районов СССР, вызывало массу конфликтов на межнациональной почве [14].

Несмотря на активное взаимодействие восточноазиатской культуры и европейской, их взаимовлияние происходило тяжело и медленно. Это усугублялось отсутствием разумной национальной политики, консолидированного гражданского общества, тяжелым экономическим положением основной части дальневосточного населения.

Таким образом, для эффективного развития рисоводства на Дальнем Востоке имелись все условия, в том числе и трудовой ресурс в лице корейского населения, налаженная система этими процессами, однако, внешнеполитические факторы играли негативную роль в реализации задач по улучшению продовольственного положения в регионе. Все это не могло не выступать тормозом в развитии целой отрасли сельского хозяйства. Рисоводство в Приморье и в современных условиях находится в начальной стадии развития.

Список литературы:

- [1] *Володин В.И.* Доходность рисосеющих хозяйств корейцев // Труды опытных учреждений Дальнего Востока. Владивосток. 1931.
- [2] *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата. 1965.
- [3] *Иванова Л.В.* Вклад корейских земледельцев в развитие сельского хозяйства Дальнего Востока в конце XIX – начале XX веков // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века). Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Д.П. Болотин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С.146 – 153.
- [4] *Володин В.И.* Доходность рисосеющих хозяйств корейцев // Труды опытных учреждений Дальнего Востока. Владивосток. 1931. С. 82 – 95.
- [5] *Петров А.* Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // Северная Азия. М., 1929. Т.1. С. 46.
- [6] ГАРФ. Фонд 1235. Оп. 122, д. 77, л. 2 – 14.
- [7] *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
- [8] *Ярмош А.М.* Движение населения ДВК на десятилетие 1926 – 1936 года // Экономическая жизнь Дальнего Востока / Хабаровск, 1927. № 1 – 2.
- [9] *Ли У Хе, Ким Ен Ун.* Белая книга. О депортации корейского населения России в 30 – 40-х годах. Книга первая. М.: Интерпакс, 1992.
- [10] Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921 – 1931 // Сборник документов в 2-х кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. 2-я книга. М.: Наука, 2007.
- [11] РГВА. Ф. 33879, оп. 1, д. 115, л. 16.
- [12] *Бельденинов С.И.* Рисосеяние в Дальневосточном крае. Цифры, факты и наблюдения. Хабаровск: Книжное дело, 1930.
- [13] *Смирнов М.* Рис на поля русского крестьянина // Тихоокеанская звезда. 1930, 22 апреля.

[14] Данилин Ф. Рис – в повестку дня // Тихоокеанская звезда. 1930, 15 августа.
[15] Гольцев Д. О нуждах Посьетского района // Тихоокеанская звезда. 1930, 25 сентября.